

ГЕРЦЕН И ИТАЛИЯ

Статья М. И. К о в а л ь с к о й

Романтический образ Италии, «волшебного края», «дивной страны очарования», глубоко укоренившийся в русской культуре XVIII—XIX вв., был дорог Герцену с юных лет. Его привлекала итальянская литература — от Возрождения до современной. Находясь под арестом в Крутицких казармах, Герцен читал книгу С. Пеллико «Мои темницы». Произведение писателя, проведшего почти десять лет в австрийской тюрьме за участие в карбонарском движении, было в 1830—1840-х годах весьма популярно среди передовых людей России; его с увлечением читали сосланные в Сибирь декабристы. Неудивительно, что книга, столь ярко обнаружившая моральную стойкость и гражданское мужество «кроткого страдальца» (как назвал Пеллико Пушкин в предисловии к русской публикации его сочинения «Об обязанностях человека»), интересовала Герцена (см. XXI, 32—33).

В ссылке во Владимире (1838) Герцен познакомился с «премилым» романом А. Мандзони «Обрученные», из которого сделал себе выписки.

Чтение этого романа навело Герцена на размышления об итальянском языке. «Да, дивный язык: музыка и юг», — писал он своей невесте, одобряя ее желание выучиться по-итальянски (XXI, 289; XXX, 619).

Настроениям Герцена в пору его первых серьезных жизненных невзгод созвучней всего оказалась поэзия Данте. На одной из станций, расположенных в начале Владимирской дороги, по пути в ссылку, он написал «на оконнице» по-итальянски два стиха Данте, «которые равно хорошо идут к преддверию ада и к сибирскому тракту»: «Через меня идут в город скорби, через меня идут на вечную муку...» (VIII, 219). К «Божественной комедии» Герцен постоянно возвращается на протяжении всех лет пребывания в ссылке. «Я в Данте нашел вещь важную и дивную, новое доказательство его величия и силы...» — писал он Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру из Вятки 18 июля 1835 г. (XXI, 46), сделав тогда же выписку из песни XXV «Чистилища» о рождении человека (XXX, 617—618). Свою невесту в те годы Герцен называет «моя Беатриче» (XXI, 48). В письмах к ней прорывается мечта уехать вместе в Италию (XXI, 69—70, 127, 173—174 и др.).

В январе 1837 г., в день рождения А. Л. Витберга, разыгрываются под руководством Герцена «живые картины», в основе которых — сюжеты Данте. Роль Данте исполняет сам Герцен (XXI, 137—138). Позднее любимейшим поэтом Герцена становится Дж. Леопарди, стих которого «делает боль, будит нашу внутреннюю скорбь» (X, 79).

Еще находясь в России, Герцен стал горячим поклонником живописи итальянского Возрождения. С особым восхищением отзывался он о «Святом семействе» и копиях с ватиканских лоджий Рафаэля, привлечших к себе его внимание при посещениях Эрмитажа в 1839—1840 гг. (XXII, 66—67, 88). В 1840 г. в своем московском кабинете Герцен повесил подаренную ему копию «головки Рафаэля», на которую не мог «довольно налюбоваться»¹.

Не только культура Италии, но и ее великие революционные деятели привлекали к себе внимание молодого Герцена. В дневнике за декабрь 1843 г. он пишет о «громдных деяниях и громадных характерах» «старца карбонаризма» Ф. Буонарроти и Дж. Маццини. Однако в ту пору Герцен приходил к пессимистической оценке их деятельности, говоря о «всей бесполезности их усилий» (II, 321).

Намереваясь в конце 1847 г. «бежать из Франции» в поисках «покоя, солнца, изящных произведений и сколько-нибудь человеческой обстановки» (V, 77), Герцен остановил свой выбор на Италии. Подобно другим великим людям, путешествовавшим по этой стране до него (таким, как Гете, Гейне, Диккенс), он представлял себе тогда Италию как «страну мертвых», где «вновь ничего не происходило» (V, 78). Он ожидал лишь встречи с колыбелью великой культуры, с роскошной природой, великолепными городами, хранящими память о славном прошлом.

Но «мы <...> не знали Италии, мы в ней столько же ошибались по минусу, сколько во Франции по плюсу», — напишет он 30 января 1848 г. из Рима своим московским друзьям (XXIII, 56—57). Все, что увидел Герцен, как только он «поставил ногу на итальянскую землю», ошеломило его. Образ его романтической мечты был вытеснен живыми впечатлениями от Италии, «празднующей светлое воскресение свое»: «Бесконечная благодарность судьбе за то, что я попал в Италию в такую торжественную минуту ее жизни...» (V, 77—78). Эти слова прекрасно передают то приподнятое, восторженное настроение, с которым Герцен воспринимал все происходившее в Италии на протяжении пяти месяцев его первого пребывания в этой стране.

Он оказался в Италии в то время, когда она стояла на пороге революции. Еще с конца XVIII в. там началась эпоха преобразования старого феодального строя в буржуазный — эпоха Рисорджименто. В условиях государственной раздробленности и иноземного гнета революционная борьба на Апеннинском полуострове приобретала форму национально-освободительного движения. На исходе первой половины XIX в. это движение вступало в свою решающую фазу — революцию 1848—1849 гг. Во всех итальянских государствах с середины 1840-х годов ширилось национально-патриотическое движение, оказывавшее все большее давление на абсолютистские режимы. Борьбой руководили представители буржуазии и либерального дворянства, которые боялись революционной инициативы пришедших в движение масс и потому настойчиво добивались от правительства либеральных реформ. Начало «эре реформ» в Италии положил Пий IX, вступивший на папский престол летом 1846 г. В условиях общественного подъема, с особой остротой проявлявшегося в Папском государстве, с его крайне отсталой экономикой, нищетой масс и реакционной государственной системой, новый папа не мог противиться обстоятельствам, толкавшим его на путь преобразований. Первые либеральные акции Пия IX (амнистия политическим заключенным; закон о печати, смягчавший политическую цензуру; учреждение Государственного совета — консулты, — явившегося зародышем представительной системы; создание гражданской гвардии) вызвали восторженный отклик не только в среде умеренных либералов, но и у римских масс. Народные манифестации в честь Пия IX следовали одна за другой. «Крик искреннего восторга раздался не только в Церковной области, но во всей Италии <...>», — писал Герцен... — Все, уповавшее лучшей будущности, окружило Пия IX» (V, 105).

Вскоре, однако, начали обнаруживаться, и со все большей очевидностью, медлительность и непоследовательность папы в осуществлении провозглашенных им реформ. «Странное явление в истории этот Пий IX, — замечал Герцен; — два-три благородных порыва, два-три человеческие действия поставили его во главу итальянского движения, окружили его любовью, ему стоило только продолжать, по крайней мере не мешать; нет, слабые плечи его ломаются под тяжестью великого призвания. Он стоит на рубеже двух сильных потоков, и то один уносит его с собою, то другой» (V, 130). В ходе непрекращавшихся народных демонстраций ораторы (наиболее популярным среди них был А. Брунетти, по прозвищу Чичероваккио, которого Герцен называл «упорным защитником народных требований, неутомимым представителем народных нужд» — V, 106) начинают требовать более решительных преобразований. Все чаще звучат национальные и антиавстрийские лозунги.

Массовые волнения и манифестации, происходившие в 1846—1847 гг. в Тосканском герцогстве, вынудили правительство Леопольда II последовать примеру Пия IX и опубликовать закон о печати, предусматривавший частичную отмену цензуры; осуществлены были также административные и судебные реформы, создана гражданская гвардия — «чивика», произведшая большое впечатление на Герцена, когда он побывал в Ливорно (V, 78—79). Реорганизация кабинета привела к тому, что во главе правительства — впервые в Италии — оказался представитель умеренных либералов К. Ридольфи.

В общественный подъем, охвативший в 1846—1847 гг. всю Италию, вовлечено было и Сардинское королевство (Пьемонт). Борьба за либеральные реформы достигла там в сентябре — октябре 1847 г. особой остроты. Бурные манифестации в Генуе и Турине следовали одна за другой. 29 октября король Карл Альберт решился наконец на объявление программы административных и судебных реформ. «Перемены и права, данные Карлом Альбертом, чрезвычайно скромны, — писал Герцен, — они <...> меняют устаревшие учреждения, обессиленные самим временем; они были неминуемы, неотлагаемы после реформы Пия IX и тосканского герцога, Карл Альберт с ловкостью исполнил то, чего отложить не мог» (V, 77).

«Торжествующею, нарядною» застал Герцен Геную, прибыв туда с семьей 24 ноября 1847 г. «Карл Альберт был тут, город шировал реформу <...> — рассказывал он. — Увлекающийся ха-

ракет итальянцев не знал предела радости; в самом деле, как реформа ни была бедна, она свидетельствовала о сильном толчке, о том, что государство двинулось, сошло с мели, это было официальное сознание пробуждения, *del risorgimento!*» (V, 77).

Восторженному настроению Герцена, вызванному итальянским «пробуждением», были созвучны и природа Италии, и облик ее городов. «Въезд в Италию делается для человека каким-то благодатным событием, светлой чертой в воспоминании», — читаем мы в «Письмах из Франции и Италии» (V, 74).

28 ноября Герцен приезжает в Рим, достигнув, таким образом, главной цели своего путешествия. Первое впечатление от «вечного города»: это — «величайшее кладбище в мире», где «можно изучать бывшее существование и смерть во всех ее фазах». Но Герцен знает: «В Рим надобно вжиться, его надобно изучить», и он разглядывает великие памятники прошлого, размышляет о римской истории. «Широкая, могучая <...> жизнь древнего Рима» раскрывается ему в «гигантском скелете» — сохранившихся руинах Форума, Колизея, в величественной архитектуре Пантеона (V, 81—82). При встрече с Римом Герцен вновь оказывается во власти того романтического образа Италии, с которым он на время расстался, увлекшись бурным течением ее современной жизни. Его потрясает в Риме «обилие изящных произведений, той гениальной оконченности, той вечной красоты, перед которой человек останаивается с благоговением, со слезою, тронутый, потрясенный до глубины души, очищенный тем, что видел, и примиренный со многим...» (V, 86).

Среди картинных галерей Рима Герцена более всего привлекает Ватиканский музей, непохожий на все прочие галереи. С большой эмоциональной силой описывает он в «Письмах из Франции и Италии» свои впечатления от «великих произведений» Микеланджело в Сикстинской капелле (V, 86—87).

Как глубокий мыслитель и художник, Герцен воспринимает прошлое и настоящее Рима (и всей Италии) в их единстве, взаимодействии, в борьбе отживающего и нарождающегося. События, развертывающиеся перед его глазами, вызывают у него острый интерес к итальянской истории. «Как это случилось, — спрашивает он, — что страна, потерявшая три века тому назад свое политическое существование, униженная всевозможными унижениями, завоеванная, разделенная иноплемениками, полтора века разоряемая и наконец совсем сошедшая с арены народов <...> вдруг является с энергией и силой, с притязанием на политическую независимость и гражданские права, с притязанием на новое участие в европейской жизни?» (V, 98).

Причины столь внезапного и, казалось бы, неожиданного пробуждения Италии он пытается найти в особенностях ее исторического развития. Не признавая в те годы исторической закономерности и прогрессивности развития буржуазных отношений в Италии и не видя буржуазного характера итальянского национально-освободительного движения (позднее он признал, впрочем, с горечью, что ошибался, — XVI, 145), Герцен всячески подчеркивал особый путь шедшей «не торной дорожкой истории» Италии, отличавший ее от английского, французского и немецкого пути (V, 98).

Источниками жизненной силы Италии Герцену представлялись многовековое отсутствие на Апеннинском полуострове централизованной власти («отсутствие единства столько же спасло Италию, сколько погубило ее на время»), расцвет городских коммун в средневековую эпоху, предохранивших Италию от тлетворного влияния буржуазных порядков. Даже когда политическая жизнь Италии была в XVI в. задавлена «внешним гнетом», ее художественная и научная жизнь достигла небывалого подъема. Но «силы страны <...> так же сочтены, как силы лица». Под натиском чужеземных солдат, под ударами «лукавого и злого» католицизма Италия пришла в упадок. Однако «и в двести лет все эти вампиры в короне и тигре не могли высосать ее крови...» Вся неистраченную энергию страны унаследовал итальянский народ. Чтобы понять Италию, надо было подслушать народную жизнь, «посмотреть на народные игры, на лица и глаза, послушать песни...» (V, 98, 100—102).

Внутренняя свобода итальянского народа, по Герцену, — залог неперемennого возрождения страны. Возможность «особого пути» развития Италии, как и России, Герцен связывал и с национальными качествами итальянского народа.

Воодушевленный бурными итальянскими событиями 1847 — начала 1848 г., породившими у него утопические надежды на то, что Италия придет к свободе «своим особым путем, минуя стадию буржуазного общества»², Герцен стремится как можно больше увидеть, поближе познакомиться с руководителями движения. Он участвует в шествиях и манифестациях, происходивших в Риме, посещает либеральное Кафе изящных искусств (Caffè delle Belle arti), где собираются

деятели культуры, Римский клуб (*Circolo romano*), объединивший представителей либерального дворянства и буржуазии, Народный клуб римских ремесленников и рабочих (*Circolo popolare*), основанный Чичероваккио (V, 96)³. По-видимому, здесь Герцен и познакомился с этим народным вождем.

Герцен не раз бывал в Риме на театральных представлениях; художественные достоинства спектаклей он, впрочем, оценивал не слишком высоко. Гораздо большее впечатление произвела на него публика, живо реагировавшая на малейшие патриотические возгласы или намеки, дошедшие до сцены.

В Риме Герцен узнаёт о вспыхнувшем 12 января восстании на Сицилии, знаменовавшем начало революции 1848—1849 гг. не только в Италии, но и во всей Европе. Не случайно революционный взрыв произошёл в самой отсталой и нищей области Королевства обеих Сицилий, где деспотический гнет короля Фердинанда II, не желавшего идти ни на какие уступки, был особенно тяжёл. Спустя всего пять дней после начала восстания в Палермо пламя революции перебросилось и на континент: одна за другой восстают южные провинции. Бурные демонстрации в Неаполе с требованием конституции в конце января вынуждают короля пойти на уступки. 29 января был опубликован декрет о «даровании» конституции.

Герцен решает «посмотреть своими глазами на Неаполь в революции, на Неаполь не только изысканный, но и свободный» (V, 97). 6 февраля, в разгар карнавала, Герцен и его спутники приезжают в этот город. Первая встреча с ним ошеломляет Герцена. «Неаполь нельзя не любить, и если б вы только пробывали в нем один день, всю жизнь стали бы вспоминать со вздохом об этом дне, — читаем мы в «Письмах из Франции и Италии» — <...> я ничего подобного и не подозревал, просто ушавшись, забываешь все на свете <...> «Посмотри на Неаполь — и потом умри» — как это глупо! — «Посмотри на Неаполь — и возненавидь смерть!..» (V, 111).

Герцен наблюдает за освобождением политических заключенных и торжественной встречей их на улицах Неаполя. Восторженное отношение к происходящему не мешает Герцену подмечать слабости в деятельности руководителей движения. «Конечно, это очень хорошо, — замечает Герцен в связи с выходом на свободу заключенных, — а все же жаль, что, выпуская их, не посадили на их места *других*.... Дело-то было бы попрочнее» (V, 113).

11 февраля был опубликован текст конституции, подписанной королем. Хотя по существу это была весьма умеренная конституция (по образцу французской 1830 г.), все же ее принятие имело огромное принципиальное значение — в одном из итальянских государств впервые утвердился конституционный строй. «Какой-то энтузиазм охватил весь город <...> Незнакомые люди жали мне руку», — писал Герцен П. В. Анненкову (XXIII, 66). Он присоединился к ликующему народу Неаполя, направившемуся к королевскому дворцу, затем наблюдал, «как король присягал новому уложению....» (V, 114).

3 марта, на следующий день после возвращения с семьей в Рим, Герцен узнает от своего нового друга Л. Спини, что во Франции началась революция, а в Париже идут баррикадные бои. В ту же ночь, когда Герцен был в маскараде, весть об изгнании Луи Филиппа и провозглашении республики во Франции была объявлена присутствующим (см. V, 123). Увлеченному происходящими событиями Герцену «пульс истории» представляется в эти дни еще более ускоренным, чем это было на деле. Ему кажется, что «итальянцы ужасно близки к республике, и тосканцы с римлянами впереди» (XXIII, 68). Но пройдет еще почти целый год, прежде чем в феврале 1849 г. будет провозглашена Римская республика.

Однако события в Италии в начале 1848 г. действительно развиваются бурными темпами. После провозглашения конституции в Неаполе сардинский король Карл Альберт и герцог Тосканы Леопольд II не смогли противостоять давлению на них со стороны как народных масс (бурные демонстрации в обоих государствах не прекратились), так и либеральных общественных сил. 17 февраля была опубликована тосканская, а 5 марта — сардинская конституции. 14 марта Папскому государству также была «дарована» конституция. Эта «тощая и уродливая конституция», «уродливая смесь католической теократии с английским представительством», была «принята холодно» в Папском государстве. Слишком долго папа медлил и колебался: «*Troppo tardi, st. padre, troppo tardi!*» — восклицал, как и другие, Герцен (V, 124).

В эти же дни, вслед за народным восстанием в Вене, вспыхнула революция в Милане, столице Ломбардии, находившейся под властью австрийского императора. «Одушевление и восторг толпы» на римских улицах «были невыразимы» (V, 297). Герцен вместе с римлянами участвует в

* «Слишком поздно, св<ятой> отец, слишком поздно!» (итал.).

НЕАПОЛЬ. МАНИФЕСТАЦИЯ В ЧЕСТЬ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ
11 ФЕВРАЛЯ 1848 г.

Рисунок неизвестного художника, <февраль 1848 г.>

Музей Сен-Мартино, Неаполь

демонстрации перед австрийским посольством. «Народ бросился с остервенением на герб, все набоевшее на душе, все накопившееся против Австрии выразилось в злобе, с которой топтали, ломали ненавистный герб притеснения...» (V, 126—127).

В тот же день, 22 марта, Герцен и его спутницы — жена, М. К. Эрн и сестры Тучковы — оказались среди руководителей народной демонстрации у пьемонтского посольства, когда с «иступленной радостью» народ узнал от посла о войне Пьемонта против Австрии (X, 27—28).

В Риме формируется ополчение для оказания помощи миланцам. Папа нехотя вынужден «уступить народному желанию и дать ему оружия» (V, 127), но официально война Австрии не объявлена. Более того, Пий IX отказывается благословить знамя ополченцев, отправляющихся в Ломбардию. Герцен, верный своему отрицательному отношению к войне, «обобщенному разбою, оправданному убийству, апотеозе насилия», вместе с тем всею душой сочувствует итальянцам в их справедливой борьбе за свою независимость и единство. Он признает, что «человечеству еще придется подраться прежде возможности мира!» (V, 130).

Конец марта и апрель Герцен вместе с римлянами живет вестями из Северной Италии. «На улицах вслух читались журналы» — о провозглашении республики в Венеции, о бегстве австрийской армии из Милана, о первых поражениях австрийцев на фронтах. «С утра бежишь на Корсо слушать выдуманные и невыдуманные новости (. . .) Таким взволнованным, оживленным и ждущим необыкновенного еду из Рима», — писал Герцен за несколько дней до отъезда в Париж 29 апреля (V, 131).

В Париже Герцен не мог забыть об Италии. В декабре 1848 г. в статье «Vixerunt!», вошедшей в книгу «С того берега», он с горечью говорит о падении Ломбардии (см. VI, 69), бичует Карла Альберта, который «не отстоял независимость Италии», и Пия IX, который «оказывается как-то из рук вон плох» (VI, 70), скорбит о судьбах Италии, «проснувшейся для того, чтобы на другой

день быть побежденной» (VI, 72). Французов, начавших военную интервенцию против Римской республики в 1849 г., Герцен называет «народом, изменившим человечеству» (VI, 107).

Впервые встретившись в 1849 г. в Швейцарии с деятелями Римской республики после ее падения, Герцен уже многое знал о них. Он был знаком с именами не только Дж. Маццини и А. Саффи — членов триумvirата, возглавившего республику, но и ее героических защитников — Дж. Гарибальди и его отважного сподвижника Дж. Медичи и других.

В своих размышлениях о причинах банкротства революций 1848—1849 гг. и европейской демократии, которая «была недостойна победы потому, что (. . .) везде боялась быть революционной до конца», Герцен подчеркивал, что «римляне делают исключение. Римская республика доблестно сражалась и погибла в неравном бою» (XXIII, 187).

Вместе с тем разочарование Герцена в итогах европейских революционных битв, его духовная драма после поражения революций в Европе породили в нем глубокий пессимизм в отношении революционных перспектив всех западноевропейских стран, в том числе и Италии. Итальянские демократы, не понимавшие того, что не может быть «воли без земли», т. е. без социальной программы, способной развивать энергию масс, были обречены в своей революционной деятельности на неудачи. В этом плане, замечал Герцен, «и Рим далеко бы не уехал, если б успел победить» (XXIII, 187).

Таким образом, в мучительных раздумьях Герцена над причинами крушения европейских революций 1848—1849 гг. и поисках «нового мирозерцания», в критическом пересмотре «мира оппозиции», мира парламентских драк, либеральных форм — всего, что он называл «падающим миром» (XXIII, 188), наряду с главным сюжетом — французскими событиями — известную роль играли и итальянские дела.

Но если на Герцена-мыслителя и политического деятеля Италия и не оказала решающего воздействия, то в его сердце эта страна и особенно ее люди заняли огромное место. Недаром любовно нарисованные образы итальянских друзей относятся к самым ярким и эмоциональным страницам «Былого и дум». «Я ехал из Италии влюбленный в нее, мне жаль было ее — там встретил я не только великие события, но и первых симпатичных мне людей» (X, 18). Из письма Герцена к московским друзьям известно, что он в Риме «дружески сошелся» с редакцией газеты «Ероса» (XXIII, 90). Речь шла о Л. Спини, М. Пинто и Э. Л. Гонзалесе.

Мы почти ничего не знаем о взаимоотношениях Герцена с Гонзалесом, являвшимся до 1846 г. сторонником Маццини, а затем перешедшим на либеральные позиции. Кроме упоминания его имени в письме к московским друзьям, среди тех, с кем Герцен «особенно» сошелся, он рассказывает также о своем участии в манифестации, где Гонзалес стоял на трибуне со знаменем в руке (см. XVII, 68). Известно также, что Гонзалес давал Герцену и М. К. Эрн уроки итальянского языка во время их пребывания в Риме ⁴.

Фигура Пинто оставила более яркий след как в литературе, посвященной Рисорджименто, так и в истории русско-итальянских культурных связей. Пинто участвовал в революции 1848—1849 гг. — как журналист, редактировавший ряд либеральных изданий, в том числе газету «Ероса» («Эпоха»), как издатель сатирического листка «Don Pirlone», а затем выполнял ряд дипломатических поручений Римской республики. Знакомство с Пинто, начавшееся в 1848 г., Герцен поддерживал и позднее. В 1850 г., когда над ним нависла угроза высылки из Пьемонта, Герцен обращался к Пинто за советом и помощью. В 1856 г. при содействии Герцена и И. С. Тургенева Пинто отправился в Петербург, где в течение многих лет читал курс истории итальянской литературы ⁵.

Наиболее близкие отношения в 1847—1848 гг. установились у Герцена со Спини, который во время революции 1848 г. возглавлял в Риме вместе с Пинто редакцию газеты «Ероса», оказывавшую поддержку римским либералам.

Спини с глубочайшим уважением и любовью относился к Герцену, который оказал некоторое влияние на его политические взгляды. О тесной дружбе семьи Герцена со Спини свидетельствует их переписка, начавшаяся после отъезда Герцена во Францию и длившаяся более года.

После поражения революции 1848—1849 гг. возобновились личные контакты Герцена и Спини. В конце августа 1849 г. при посредничестве Спини в Женеве состоялось личное знакомство Герцена с Маццини, при котором последний предложил Герцену сотрудничать в его газете «Italia del Popolo». В те же дни Герцен сообщал Прудону о том, что вел переговоры с Маццини, Спини и Пинто об их сотрудничестве в газете «Voix du Peuple» и что эти «великолепные корреспонденты» «с величайшим удовольствием принимают предложение регулярно присылать сообщения» (XXIII, 178). В ноябре 1849 г. Маццини передал через Спини Герцену акции издатель-

ВОССТАНИЕ В МИЛАНЕ. СТРОИТЕЛЬСТВО БАРИКАД 18 МАРТА 1848 г.

Литография, 1848

Государственное собрание эстампов, Милан

ского общества «Union», созданного вождем итальянской демократии в Лозанне для финансирования газеты «Italia del Popolo» и других маццинистских изданий. В посланном тогда же письме к Герцену Маццини писал: «Теперь одно дело занимает меня, и вы уже знаете его. Это — реорганизация или, лучше сказать, организация партии. Я знаю от Спини, что вы, в свою очередь, приходите к тому же» (Л V, 364). Упоминание о Спини в этом контексте свидетельствует о немалом доверии к нему в тот период как со стороны Маццини, так и Герцена.

Хотя после 1849 г. имя Спини не упоминается в переписке Герцена, их недолговечная дружба имела немалое значение для дальнейшего развития и углубления связей Герцена с итальянским национально-освободительным движением. Ведь именно Спини ввел Герцена в круг людей, посвятивших жизнь итальянской революции. Ближайшими друзьями Герцена с начала 1850-х годов становятся такие виднейшие деятели демократического течения в Рисорджименто, как Маццини, Гарибальди, Пизакане, Орсини и др.

Взаимоотношения Герцена с Маццини были далеко не безоблачными. Восхищение «великим человеком», как Герцен не раз называл итальянского революционера, не мешало ему подвергать резкой критике его религиозно-идеалистические воззрения, отрицательное отношение к социализму, а также ограниченность его программы, сводившейся в основном к достижению национальной независимости и единства Италии и почти полностью игнорировавшей социальные проблемы. Герцен осуждал нереалистический подход Маццини к организации революционных выступлений в Италии, обращившихся многочисленными провалами и неудачами. И вместе с тем он высоко ценил сильные стороны «неутомимой деятельности» Маццини, его беззаветную преданность «великому делу освобождения Италии» (XVI, 142). В свою очередь, Маццини чрезвычайно дорожил дружбой с Герценом. Он делился с ним своими планами, стремился привлечь его к работе в общеевропейских демократических организациях. Придавая большое значение публицистическим выступлениям Герцена, Маццини не раз помещал его статьи на столбцах своих газет.

В середине июня 1850 г. Герцен после полугодового пребывания в Париже вновь направляется в Италию. На этот раз он с семьей поселяется в Ницце, входившей тогда в состав Сардинско-

го королевства. «Долго думая, куда укрыться, где найти отдых, я избрал Ниццу не только за ее кроткий воздух, за ее море — а за то, что она не имеет никакого значения — ни политического, ни ученого, ни даже художественного <...> — писал Герцен в «Письмах из Франции и Италии» спустя несколько дней после приезда в этот город. — Здесь я могу отдохнуть... до тех пор пока святая Германдада всемирной полиции не начнет и в Пьемонте свой крестовый поход» (V, 190, 198).

В последних словах — намек на самую, пожалуй, существенную причину того, что Герцен решил «укрыться» именно в Пьемонте. Ведь после поражения революции 1848—1849 гг. Сардинское королевство осталось одним из немногих государств, где, как представлялось Герцену, в известной мере сохранялись либеральные порядки: здесь продолжала действовать конституция, велась открытая политическая борьба в парламенте. Герцен неоднократно подчеркивал эти преимущества Пьемонта. «Пьемонт все еще лучший уголок Европы», — писал он Прудону 23 марта 1852 г. (XXIV, 260). В брошюре «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» он называл Пьемонт «уцелевшей веткой Италии <...> последним убежищем свободы, загнанной за Альпы и не перешедшей Апеннины» (VII, 310) ⁶. В отличие от Парижа здесь «письма не вскрываются: палата отказала министерству в праве на это» (XXIV, 197—198, 207).

Но и в этом «убежище свободы» Герцену не суждено было жить спокойно. В начале июня 1851 г. по приказу министра внутренних дел Гальваньо ему предписывается немедленно выехать из Сардинского королевства. Сделано это было по требованию русского консула в связи с опубликованием в Ницце французской брошюры Герцена «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» (см. ниже). В защиту Герцена и другого русского политического эмигранта, И. Г. Головина, которому также приказано было выехать из Пьемонта, выступил депутат оппозиции в пьемонтском парламенте, видный деятель освободительного движения Л. Валерио. Высылку Герцена он назвал «бесполезным и диким актом». Главное обвинение против Герцена, состоявшее в том, что он республиканец, Валерио на основании заявления самого Герцена парировал тем, что Герцен «уважал гостеприимство Пьемонта и никогда не имел намерения» вести здесь республиканскую пропаганду. «Неужели мы должны стать агентами русской полиции?» — этим вопросом закончил свое выступление Валерио ⁷. «Энергические интерpellации Валерио в Камере» (XXIV, 198), поддержанные пьемонтской прессой, привели к тому, что спустя месяц Герцену было разрешено вернуться в Ниццу.

Знакомство между Герценом и Валерио, произошедшее благодаря этому инциденту, продолжалось еще долгие годы и было окрашено чувствами взаимной симпатии и уважения. В 1856 г. Герцен по просьбе Валерио подарил ему с дружеской надписью «Былое и думы», изданные на немецком языке *. В начале 1860-х годов Герцен обратился с письмом к Валерио (до нас не дошедшим), отсылаясь о нем как о «хорошем, горячем человеке». Сообщая В. Н. Кашперову 12 декабря 1862 г. о том, что послал Валерио «Колокол» на французском языке, Герцен замечал: «Я очень рад, что он хранит хорошую память обо мне» (XXVII, 178, 269).

В начале 1850-х годов сочинения Герцена получают весьма широкое распространение в Италии, особенно в Пьемонте, что было в большой степени связано с растущим интересом западноевропейского читателя к России. Из газеты Мадзини «Italia del Popolo» генуэзская газета «Italia Libera» 9 сентября 1850 г. перепечатала часть статьи Герцена «La Russie», сопроводив ее редакционным примечанием. В нем, в частности, говорилось: «Ученые самой России <...> возмещают, что Россия созрела не только для республиканской революции, но и для революции социальной. Что вы скажете на это, о консерваторы, стремящиеся сохранить крепостничество?» ⁹

В туринской газете «Museo Scientifico, Letterario ed Artistico» в октябре того же года появилась анонимная статья «Социальные условия России», которая представляла собой изложение части статьи Герцена «La Russie» ¹⁰.

Летом 1850 г. Герцен создает в Ницце свой труд «О развитии революционных идей в России», предназначавшийся специально для западного читателя. Герцен был особенно заинтересован в распространении этого сочинения в Италии. В письме к жене из Парижа он просил, чтобы брошюра, напечатанная, как сказано, в марте 1851 г. на французском языке в Ницце, была по-

* Вот текст этой надписи: «M. Pinto m'a écrit que vous désirez lire mes mémoires — cher monsieur Valerio — je vous les offre avec amitié et sympathie. Londres, 2 nov<embre> 1856» («Г-н Пинто написал мне, что вы желаете прочесть мои воспоминания, дорогой господин Валерио, преподношу их вам с чувством дружбы и симпатии. Лондон. 2 нояб<ря> 1856 г.»). У подзаголовка книги «Im Staatsgefängnis und in Sibirien» Герцен приписал: «J'ai protesté contre ce titre, je n'ai jamais été en Sibérie» («Против этого заглавия я протестовал, я никогда в Сибири не был») ⁸.

слана Валерио, затем в редакции газет «Opinione» и «Progresso», наконец, в Геную — «в редакцию какого-нибудь оппозиционного журнала» (XXIV, 180). В номерах газеты «Progresso» от 1 и 2 августа появилась большая рецензия на книгу Герцена; в ней подчеркивалось, что этот труд «является блестящим и мудрым руководством» для изучения разнообразных элементов, составляющих либеральную оппозицию в России. В брошюре «Русский народ и социализм», также изданной в Ницце на французском языке в конце 1851 г., Герцен выразил восхищение по поводу оценки паризма в этой рецензии¹¹.

В свою очередь, эта последняя брошюра и другие опубликованные в то время работы Герцена о русской сельской общине явились главным источником, из которого черпал сведения, по его собственному признанию, итальянский демократ А. Франки при работе над статьей «Община в России», появившейся в газете «Ragione» 16 декабря 1854 г.¹²

Во время жизни в Ницце на Герцена обрушиваются страшные удары: гибель матери и сына Коли 16 ноября 1851 г. и смерть жены 2 мая 1852 г. Среди самых близких людей, на которых Герцен смог опереться в этот невыносимо тяжелый для него период жизни, оказались итальянские друзья — А. Мордини и Ф. Орсини (см. X, 295—296). По желанию смертельно больной Натальи Александровны они оба были приглашены на празднование дня рождения Герцена 6 апреля 1852 г. В многолюдном шествии за ее гробом были много итальянцев — друзей семьи Герцена, видных итальянских демократов, «известных и дорогих Риму и Ломбардии, Неаполю и Венеции, Пьемонту», говорилось в газете «Avenir de Nice» 7 мая (Л XIV, 110). Со словами горячего сочувствия и благодарности за денежные пожертвования в их пользу обратились к «многоуважаемому человеку Александру Герцену» представители многочисленных в Ницце политических эмигрантов из других итальянских государств. Герцен высоко ценил дружескую поддержку, оказанную ему итальянцами, свидетельством чему служат, например, следующие слова, написанные им месяц спустя в Швейцарии: «Рвусь я назад в Италию, у меня нет другой родины, я сжился и с природой, и с людьми. Какая славная порода <...> благословенье Осипа Ивановича * провожает меня даже в глуши Тессин» (XXIV, 286).

В Генуе, куда Герцен приехал в июне 1852 г., он подружился с группой видных итальянских революционеров. «Здесь меня приняли с распростертыми объятиями, час после приезда друзей Осипа Ивановича были уж у меня», — писал он 10 июня М. К. Рейхель (XXIV, 281). «Здесь я окружен величайшей симпатией <...> От 12 до 5 комната полна Италией», — сообщает он ей же 15 июня (XXIV, 284).

Среди новых друзей Герцена был Дж. Медичи, которому Герцен посвятил проникнутые любовью и восхищением страницы «Былого и дум»¹³, и К. Пизакане. Об этом выдающемся деятеле и мыслителе Рисорджименто, погибшем во время возглавленной им в 1856 г. экспедиции на юг Италии, Герцен также написал прекрасные строки в «Былом и думах». Рассказ о трагической гибели «молодого, прекрасного вождя», о «величии его мрачной поэзии» он сопроводил примечанием: «И я знал bel capitano ** и не раз беседовал с ним о судьбах его печальной родины...» (X, 68).

Медичи и Пизакане были в числе итальянских эмигрантов, подписавших 23 июля в Генуе коллективную декларацию в поддержку Герцена в связи с его демонстративным отказом от дуэли с Г. Гервегом. В этом документе итальянские революционеры с огромным уважением отзывались о Герцене, утверждая, что гордятся его дружбой вследствие его «выдающихся достоинств», и заявляли: «Отвергнув при данных обстоятельствах дуэль с Г. Гервегом, Герцен поступил согласно нашим убеждениям» (Л VII, 81—82).

Тесная дружба Герцена с итальянскими революционными деятелями в Генуе оказала влияние даже на его сына. В письме к М. К. Рейхель Герцен не без гордости рассказывал, что Саша здесь «вообразил себя защитником Италии» и заявил итальянскому другу, подарившему ему небольшую шпагу, что она будет употреблена «против итальянцев, которые против нас, contre notre cause» *** (XXIV, 293).

«Выдающиеся достоинства», «могучий ум» и многие другие подобные оценки Герцена не были в устах итальянских демократов пустыми комплиментами и вежливыми преувеличениями. Несмотря на скудость документальных материалов, есть все основания утверждать, что Герцен оказал влияние на идейное формирование левого крыла итальянской демократии после 1848 г.

* Осипом или Осипом Ивановичем называли в письмах (отчасти из конспиративных соображений) Маццини некоторые русские, в том числе и Герцен.

** прекрасного капитана (итал.).

*** против нашего дела (франц.).

КАРЛО ПИЗАКАНЕ

Литография неизвестного художника, 1857

Институт Маццини, Генуя

«Кучка энергических людей приплывает к несчастному неаполитанскому берегу, служа примером, живым свидетельством, что еще не все умерло в народе. Вожь, молодой, прекрасный, падает первый со знаменем в руке — а за ним падают остальные» («Былое и думы»)

ции своих генуэзских друзей, подчеркнув, что может «сам подтвердить многое из того, что говорил ему от имени друзей», поскольку «в Италии был два года без выезда». Однако «посольство мое не удалось» (XI, 17), с горечью заметил впоследствии Герцен.

Теоретические установки Маццини, полагавшего, что итальянский народ постоянно готов к вооруженной борьбе, соответствовали его практической деятельности: на протяжении 1850-х годов под его руководством был предпринят ряд попыток организации восстаний в Италии, окончившихся неудачей. Иначе обстояло дело у Пизакане. Он относился к тем демократам, которые понимали, что незрелые восстания обречены на поражение. Будучи утопическим социалистом, он полагал, что национально-освободительная революция в Италии должна одновременно быть и социальной и сопровождаться передачей земли крестьянам.

Такая революция требовала, разумеется, долгой и упорной подготовки. Вместе с тем он жаждал и практической революционной деятельности. Готовность пожертвовать собой, чтобы собственным примером вдохновить на борьбу других, толкнула Пизакане на организацию небольшого отряда, который в июне 1857 г. высадился в Сапри (Южная Италия) с целью поднять там местное население против бурбонского правительства. Экспедиция закончилась провалом и гибелью Пизакане. «Я не оправдываю плана, вследствие которого Пизакане сделал свою высадку; она мне казалась так же несвоевременна, как два предпоследних опыта в Милане», — писал Герцен в «Былом и думах». Однако, признавал он, «люди эти подавляют величием своей мрачной поэзии, своей страшной силы и останавливают всякий суд и всякое осуждение. Я не знаю примеров большего героизма ни у греков, ни у римлян, ни у мучеников христианства и Реформы!» Они служат «вызовом, примером, живым свидетельством, что еще не все умерло в народе» (X, 67).

В 1850-е годы, во время пребывания Герцена в Лондоне, его авторитет среди деятелей итальянского освободительного движения был чрезвычайно велик. Особенно большое значение придавалось его публицистической деятельности. Целый ряд статей Герцена, посвященных в основ-

Виднейшим представителем этого течения являлся Пизакане, с которым, как уже отмечалось, Герцен в 1851—1852 гг. находился в тесном общении. Это дало основание итальянским исследователям (Н. Росселли, В. Матури, Дж. Берти, Ф. Вентури) увидеть следы воздействия Герцена на социальную доктрину Пизакане, прежде всего на его интерес к крестьянскому вопросу, хотя истоки этих взглядов следует, конечно, искать главным образом в итальянской передовой общественной мысли XVIII — первой половины XIX в.

Об известном единогласии, большом доверии и уважении генуэзской группы итальянских эмигрантов к Герцену свидетельствует их обращение к русскому другу с «особым поручением». Перед отъездом из Генуи (когда Герцен принял решение о поездке в Лондон) «несколько близких друзей» — Медичи, Пизакане, Мордини, Козенц — поручили Герцену изложить находившемуся в Лондоне Маццини их критическую позицию относительно деятельности Лондонского комитета. Они полагали, что оторванность от Италии и идеологическая нетерпимость мешают Маццини трезво оценить обстановку в стране и толкают его на организацию восстаний, условия для которых не созрели. «Они хотели внутренних преобразований, им казалось необходимым ввести гораздо больше военного элемента и иметь во главе стратегов...» — рассказывал Герцен в «Былом и думах» (XI, 16). В Лондоне при встрече с Маццини Герцен присоединился к пози-

ном русским проблемам, был опубликован, как уже отмечалось, в 1850—1858 гг. на страницах маццинистских изданий «Italia e Popolo», «Italia del Popolo», «Pensiero ed Azione».

В «Былом и думах» Герцен вспоминает, как он сказал Маццини в 1852 г., что хочет «внести свою лепту в итальянское дело», которое ему «близко, как родное» (XI, 139). И действительно, на протяжении 1850-х годов он не раз передавал немалые суммы для поддержки революционного движения в Италии. В частности, из переписки Маццини известно, что такие взносы Герцен делал в 1856 и 1859 гг.

В Лондоне, как прежде в Италии, среди друзей Герцена было много итальянцев. Это прежде всего старые его знакомые, такие, как Маццини (через которого Герцен установил связи с английскими радикалами и многочисленными деятелями европейского демократического движения) и Орсини. Появились здесь и новые друзья, среди них особенно близким Герцену стал А. Саффи¹⁴, сподвижник Маццини, по словам Герцена, «один из самых выдающихся деятелей римской революции» (XXV, 265). Очень тепло написал Герцен о Саффи в «Былом и думах». Особенно привлекательной казалась ему чистая, простая натура Саффи, полное отсутствие в нем аффектации, душевная тонкость и мягкость. «Вы, без сомнения, самый близкий мне человек в Европе <...> — писал Герцен Саффи в 1856 г. — Я угадал в вас поэта, гуманного человека, я понял, что ваше призвание скорее лирическое, чем политическое» (XXV, 347). В деятельной дружбе Саффи он видел «одно из утешений» своей «искалеченной жизни» (XXV, 255).

Взаимное расположение Герцена и Саффи укреплялось благодаря их большой духовной близости, общности вкусов и взглядов. Оба они горячо любили поэзию Леопарди и отстаивали ее достоинства в спорах с Маццини, которому непонятны были «ядовитые раздумья <...> сокрушительные сомнения Леопарди» (X, 79—80). В спорах Герцена с Маццини, касавшихся идейных и политических вопросов, Саффи часто оказывался на стороне Герцена. Рассказывая об этих спорах, Мальвида Мейзенбург подчеркивает, что «Саффи все более и более склонялся к воззрениям Герцена». По ее словам, Маццини болезненно воспринимал тот факт, что «его товарищ <...> теперь отважился опровергать его и присоединился к мнению Герцена». «Саффи любил Герцена почти с детской нежностью, — отмечала она, — и с восхищением внимал ему...»¹⁵

Выражения любви и преданности встречаются в большинстве дошедших до нас писем Саффи к Герцену. Чрезвычайно высоко ценил он сочинения своего русского друга. Вот, например, его отзыв об опубликованных в 1855 г. на английском языке двух томах «Былого и дум»: «Это творение, которое останется, в то время как все проходит, все вымирает в этом поверхностном и благом * веке. В нашей книге слово есть одновременно и мысль, и чувство, и действие, — вот секрет ее успеха» (Л VIII, 242). В предисловии к одному из томов сочинений Маццини, принадлежащем перу Саффи (написано после смерти Герцена), содержится проникнутая любовью и уважением характеристика Герцена как общественного деятеля, писателя и человека. «Александр Герцен, патриот и оригинальный и смелый писатель, сочетал артистический и импульсивный характер души с благородством <...> и инстинктивным сочувствием к человеческим страданиям, которое заставляло его протестовать против всяческого эгоизма дурных правительств и несправедливых социальных институтов, — писал Саффи. — Имя Александра Герцена навсегда останется в истории борьбы во имя братства европейских народов <...> Он был искренним почитателем Маццини, другом Италии <...> а для меня больше чем другом, братом...»¹⁶.

Среди итальянцев, связанных с Герценом в 1850-е годы, следует назвать Л. Пьянчани. Участник революции 1848—1849 гг., примкнувший затем к сторонникам Маццини, он находился с 1851 г. в эмиграции в Лондоне. Начиная с 1854 г. он один из руководителей газеты французской буржуазно-демократической эмиграции «Нотте». Именно с этим изданием, в котором Герцен опубликовал ряд своих трудов, и связаны преимущественно отношения Герцена и Пьянчани. Дошедшие до нас письма Герцена к нему представляют большой интерес прежде всего потому, что по ним можно судить о бесспорном идейном влиянии великого русского революционера на Пьянчани¹⁷.

После отъезда Пьянчани из Англии в 1856 г. его связи с Герценом ослабели, переписка приняла эпизодический характер. В большой степени это было, по-видимому, связано с идейной эволюцией Пьянчани, постепенно сблизившегося с поборниками объединения Италии под властью Савойской монархии и отказавшегося после 1860 г. от своих республиканских убеждений. Однако знакомство Пьянчани с Герценом и его семьей поддерживалось и в 1860-е годы¹⁸.

* хвастливо-насмешливом (от франц. blagueur).

В феврале 1854 г. Герцен познакомился с приехавшим в Лондон из Америки Дж. Гарибальди. С этого момента началась их дружба, о которой сам Герцен столь ярко рассказал в «Былом и думах». Прологом к личному знакомству двух великих деятелей европейской демократии явились скорбные события в Ницце, постигшие Герцена и Гарибальди. 20 марта 1852 г. Герцен участвовал в похоронах матери Гарибальди, а 2 мая того же года, в день смерти жены Герцена, отдать ей последний долг пришли двое малолетних детей Гарибальди.

На страницах «Былого и дум» мы неоднократно встречаемся с восторженными высказываниями о Гарибальди; в них Герцен подчеркивал такие черты его характера, как детское простодушие и естественность («великое дитя», «нигде ни риторика, ни декораций, ни дипломатий»), «несокрушимая нравственная твердость», «отвага льва» (X, 72; XI, 14, 259, 291).

В 1854 г. Герцен присутствовал при происходивших в Лондоне спорах между Маццини и Гарибальди, который «был совершенно против всех попыток и опытов восстания» (X, 73).

Позиция Гарибальди представлялась Герцену более реалистической. «Что Гарибальди лучше знал массы, в этом я совершенно убежден», — писал он в «Былом и думах» (XI, 20).

Гарибальди не раз бывал у Герцена дома: он с большой симпатией относился ко всем членам его семьи. Вскоре Гарибальди надолго покинул Лондон. Однако взаимное расположение Герцена и Гарибальди не угасало. Особенно возрос интерес Герцена к народному герою Италии в 1859—1860-е годы.

За решающими для судеб итальянского освобождения событиями этих лет Герцен следил с пристальным вниманием. Подъем национально-освободительного движения в Европе 1840-х — 1860-х годов, начало которому положила Италия, способствовал разработке Герценом национального вопроса. Как и в предшествующие годы, он отстаивал в этот период право Италии на национальную независимость, видел в гибели Австрии залог освобождения угнетенных ею народов — итальянцев, славян, венгров.

С 1859 г. в центре внимания европейской общественности была предстоящая франко-итало-австрийская война. Будучи принципиальным противником военных решений политических вопросов, Герцен неодобрительно встретил весть о готовящемся событии. С горечью констатировал он, что оплот будут литься «реки крови, опять шум, треск, «Гром победы раздавайся», — бедные беднее, богатые богаче...» (XXVI, 233).

Сближение России с Францией (закрепленное подписанием секретного договора между ними 3 марта 1859 г.) должно было неизбежно, по мнению Герцена, в той или иной мере втянуть и Россию в войну. А это было бы для нее великим несчастьем, ибо могло помешать подготовке крестьянской реформы (см. XXVI, 255).

Однако, когда война в конце апреля разразилась, Герцен решительно заявил о своей поддержке дела итальянского освобождения. В письме к сыну от 11 мая он писал: «Войны я не желал, но война *есть*, и Австрия может от нее погибнуть, и через то не только Италия освободится, но — Венгрия и славяне. Я становлюсь со стороны войны» (XXVI, 264). Подробное обоснование этой позиции содержалось в цикле статей Герцена «Война и мир», опубликованных в июне — августе 1859 г. в «Колоколе».

На первых порах Герцен полагал, что в борьбе с австрийцами целесообразно использовать силы Сардинского государства. Питая вражду к итальянским либералам, он все же признавал политическую ловкость и ум «маленького Талейрана» Кавура (XI, 15), возглавлявшего сардинское правительство; надеялся на искренность антиавстрийской позиции короля Виктора Эммануила II. Однако в ходе войны он убедился в ничтожестве этого короля, из которого либералы пытались сделать прекрасную и величественную фигуру (XI, 476).

С еще большей проникательностью Герцен оценивал истинную подоплеку политики Наполеона III в отношении Италии. Война с Австрией была французскому императору нужна, чтоб отвлечь внимание своей страны от внутренних проблем, а не во имя освобождения Италии. В отличие от Мордвини и его единомышленников, ставших сторонниками объединения с сардинской монархией, Герцен надеялся, что война из династической сможет превратиться в революционную и что Италия в состоянии будет увлечь на революционный путь и Францию. Несмотря на различие в позициях, Герцен сохранял, однако, дружеские отношения со своими итальянскими друзьями и готов был оказывать им помощь. Об этом свидетельствует как публикуемое ниже письмо Мордвини, так и ряд писем самого Герцена (XXVI, 264—265).

Позорное Виллафранкское перемирие, заключенное Наполеоном III с Австрией в июле 1859 г., Герцен встретил возмущенной статьей «Мир», в которой клеймил вероломство французского императора, обманувшего надежды итальянцев (по этому договору Сардинскому королев-

ВОССТАНИЕ В СИЦИЛИИ. ГАРИБАЛЬДИ В ПАЛЕРМО 6 ИЮЛЯ 1860 г.

Гравюра по рисунку Г. Блейбтрера

«Illustrierte Zeitung», 21 июля 1860 г.

ству передавалась только Ломбардия, а Венеция оставалась под австрийским господством). Письма Герцена той поры отражают его горькие чувства, вызванные унижением Италии: «Италия гибнет» (XXVI, 308). «К горести наших доктринеров,— писал он в ноябре 1859 г.— Запад еще осунулся и еще ближе к смерти. Наглое вмешательство Наполеона в дела Италии и отставка Гарибальди — это такие два шага, от которых не поздоровится» (XXVI, 310).

Однако пессимистические настроения Герцена вскоре сменяются новыми надеждами. Сбывалось предсказание К. Маркса, который в статье о Виллафранкском договоре писал, что «в дело может вмешаться итальянская революция, чтобы изменить картину всего полуострова»¹⁹. По всей Италии ширилось массовое движение за объединение страны. Руководители итальянских демократов осенью 1859 г. начали подготовку к революционному перевороту в Южной Италии, приступили к организации экспедиции Гарибальди в Сицилию, где весной 1860 г. разгорелось восстание. Издатели «Колесола» пристально следили за ходом событий в Италии. Герцен собирает средства в фонд Гарибальди, помещая в «Колоколе» отчеты о собранных суммах. Он оказывает помощь волонтерам, отправлявшимся к Гарибальди. Уже после того, как гарибальдийцы, одержав блистательные победы в Сицилии, высадились на южной оконечности Калабрии, в армию Гарибальди отправился из Лондона польский эмигрант М. Домагальский, бывший учитель Саши Герцена. Издатели «Колокола» и другие русские эмигранты в Лондоне собрали для него двадцать фунтов стерлингов. Герцен снабдил его рекомендательным письмом к Гарибальди. «Мы восхищаемся вами, любим вас,— писал в нем Герцен,— клянусь, что это не риторика. С безграничной симпатией (. . .) мы следуем за вами — шаг за шагом — по вашему славному пути» (XXVII, 91).

Свою прежнюю детскую мечту — воевать за свободу Италии — решил в те дни осуществить двадцатилетний сын Герцена, пожелавший отправиться в Неаполь к Гарибальди. С просьбой помочь ему в этом Герцен обратился к Саффи. В ответном письме из Ливорно от 20 сентября Саффи выражал свою радость по поводу решения Герцена-юниора и готовность способствовать

этому. «Завтра я отправлюсь в Неаполь по приглашению самого Гарибальди < . . > Я передам ему о намерении вашего сына < . . > Уверен, что Гарибальди будет очень рад принять его» ²⁰. Герцен-юниор не попал к Гарибальди, по-видимому, потому, что в те дни победоносная эпопея гарибальдийской «Тысячи» близилась к завершению. Неаполитанское королевство было полностью освобождено, власть Бурбонов пала. Последним аккордом была битва при реке Вольтурно 1—2 октября.

Таким образом, в результате массовой борьбы, возглавляемой демократами, Неаполитанское королевство было освобождено, власть Бурбонов низвергнута. Однако умеренные либералы в этот период сделали все, чтобы вырвать инициативу из рук демократов и воспрепятствовать дальнейшему развитию революции. Недостаточная организованность демократических сил, неспособность их вождей включить в свою программу требования аграрной реформы и в результате этого — слабое участие крестьянства в революции привели к тому, что в конечном счете умеренные и сардинская монархия сумели одержать верх над демократами и присвоить себе плоды завоеваний революции. На протяжении 1859—1860 гг. в основном была создана единая Италия: сначала Ломбардия и государства Центральной Италии, а затем Королевство обеих Сицилий были присоединены к Сардинскому королевству.

В начале ноября в Неаполь прибыл король Виктор Эммануил II. Гарибальди передал ему власть и уехал на остров Капрера. «Он с горстью людей победил армию, освободил целую страну и был отпущен из нее, как отпускают ямщика, когда он довез до станции», — с горечью писал по этому поводу Герцен (XI, 257).

В январе 1861 г. было провозглашено создание Итальянского королевства. Однако сердце Италии — Рим — и Венецианская область оставались вне его пределов. Завершение итальянского объединения становится теперь важнейшей задачей, которую ставят перед собой вожди итальянской демократии — Маццини и Гарибальди.

События 1859—1860 гг. не привели к «пересозданию мира» и во многом разочаровали как их участников, итальянских демократов, так и Герцена. Вместе с тем в условиях революционной ситуации в России 1859—1861 гг. опыт итальянского освободительного движения приобрел в глазах русской революционной демократии особое значение. Его успехи сыграли немаловажную роль в переходе руководителей Вольной русской печати от чисто пропагандистской деятельности к практическим конспиративным акциям, и прежде всего к созданию тайного политического общества.

Именно в этот период завязывается вокруг Герцена и Огарева тот узел конспиративных связей, который придал лондонскому пропагандистскому центру также функции русского организационного революционного центра за границей. Приезжавшие в Лондон для встреч с Герценом и Огаревым представители революционных сил России вступали там в контакты и с руководителями итальянских демократов. Достаточно вспомнить хорошо известный факт установления в 1860 г. — через Герцена — дружеских связей Н. А. Серно-Соловьевича с Маццини и М. Квадрио.

Маццини в своей переписке с Н. А. Тучковой-Огаревой в 1864—1865 гг. не раз с беспокойством спрашивал о Серно-Соловьевиче, находившемся с июля 1862 г. в Петропавловской крепости ²¹. А Серно-Соловьевич в письме к Герцену и Огареву, относящемся к первой половине 1864 г., передал Маццини «самый горячий поклон» ²². С большой теплотой и сочувствием вспоминал о погибшем в 1866 г. в сибирской ссылке Серно-Соловьевиче Квадрио в своем письме к Герцену: «Слово „соловей“ напомнило мне славного Соловьевича. Я видел его в 1860 г. и полюбил его. И сердце мое наполняется печалью, потому что уже нет дорогого энтузиаста» ²³.

В 1861 г. Герцен познакомил с Маццини и другого видного деятеля русского революционного движения — А. А. Слепцова.

В этот период в центре внимания Герцена наряду с проблемами русского революционного движения оказывается также нарастающее движение в Польше. Руководители итальянских демократов, в свою очередь, придавали огромное значение польским событиям. Гарибальди начиная с 1861 г. не раз обращался к Герцену с письмами по польскому вопросу, в которых выражал солидарность с борьбой польского народа (ЛХI, 84—85; ХVIII, 38). С особой силой эти чувства проявились в период польского восстания 1863 г., вызвавшего в Италии широчайший отклик. Итальянские демократы выступили под лозунгом неразрывного единства борьбы итальянцев и поляков.

Тесную связь как с поляками, так и с итальянскими демократами поддерживала в этот период многочисленная русская колония во Флоренции, в которой важную роль играл Герцен-сын. Осенью 1863 г. во Флоренции побывал сам Герцен, прежде всего с целью выяснить возмож-

ность создания в Италии перевалочного пункта по отправке революционной литературы в Россию.

Находясь во Флоренции, Герцен обратился с открытым письмом к Гарибальди, характеризуя в нем современное состояние России и связывая перспективы русской революции с польским вопросом. Герцен писал Гарибальди, что собирался посетить его на Капрере, но обстоятельства вынуждают его покинуть Италию раньше, чем он думал. Как письмо Герцена, так и ответ Гарибальди — в поддержку польского восстания — были опубликованы в «Колоколе» (см. XVIII, 21—30, 38—43).

Личная встреча Герцена с Гарибальди состоялась в Лондоне в следующем, 1864 г.

Гарибальди отправился в Англию по приглашению английской общественности в надежде получить средства на продолжение борьбы за присоединение Венеции к Италии. «Гарибальди согласился приехать с целью снова выдвинуть в Англии итальянский вопрос, собрать настолько денег, чтоб начать поход в Адриатике и совершившимся фактом увлечь Виктора-Эммануила», — писал Герцен (XI, 282).

Визиту Гарибальди в Лондон посвящен блестящий очерк Герцена «*Samicia gossa*», опубликованный в «Колоколе» и включенный затем в «Былое и думы». Это поистине восторженный гимн герою Италии. Герцена в Гарибальди привлекает прежде всего его близость к народу. Это «идол масс, единственная, великая, народная личность нашего века», «невенчанный царь» народов, их упование, их живая легенда, их святой человек, «и это от Украины и Сербии до Андалузии и Шотландии, от Южной Америки до Северных Штатов» (XI, 254—257).

Секрет популярности Гарибальди, как считал Герцен, не только в героике его революционных подвигов, но и в огромном обаянии его личности, «той притягательной и отдающей силы, которой он постоянно покорял все окружавшее его» (XI, 259).

Срыву замыслов английской аристократии, стремившейся очернить Маццини и помешать примирению двух вождей итальянского освободительного движения, Маццини и Гарибальди, способствовала организованная Герценом в его доме в Теддингтоне их встреча. С подготовкой этой встречи связано одно из публикуемых ниже писем Маццини к Герцену.

«Мне ваше посещение бесконечно дорого, — сказал Герцен Гарибальди, — и теперь больше, чем когда-нибудь; в эту черную полосу для России ваше посещение будет иметь особое значение: вы посетите не одного меня, но друзей наших, заточенных в тюрьмы, сосланных на каторгу» (XI, 273).

Примирение Гарибальди и Маццини хотя и ненадолго, но состоялось, Маццини провозгласил тост: «За свободу народов, за союз народов, за того человека, который в наше время представляет живое воплощение этих великих идей, за Джузеппе Гарибальди!.. За юную Россию... за тех русских, которые вслед за другом нашим Герценом наиболее трудились для развития этой России!»

В ответном тосте Гарибальди подчеркнул великие заслуги Маццини, который «один бодрствовал, когда все спало кругом». Он посылал привет той России, «которая страдает и борется, как мы, и победит, как мы, за новый народ, который, освободившись и одолев Россию царскую, очевидно призван играть великую роль в судьбах Европы».

Герцен ответил ему благодарностью «во имя наступающей России (< . . > во имя России, умирающей в казематах и рудниках и живущей в сознании народа, просыпающегося с своим идеалом неразрывности «*Земли и воли*»...» (XVIII, 116—118).

Текст выступлений Маццини и Гарибальди в доме Герцена, «как электрическая искра, облетел Европу, вызывая крик восторга и рев негодования...» (XI, 284). В письмах к близким Герцен поделился своими впечатлениями о приеме в своем доме Гарибальди, считая этот день одним из лучших в своей жизни. «Все празднество было без одного облачка — гармонично и прекрасно (< . . > Он очень сблизился со мною...» (XXVII, 461) — писал Герцен о Гарибальди. 24 апреля это письмо было опубликовано в газете итальянских демократов «*Progresso*», выходившей во Флоренции, со следующими вводными словами от редакции, посвященными автору письма: «Александр Герцен, знаменитый русский эмигрант, известный всем читателям (< . . > как непримиримый борец против царских тронов, в пламенных строках на страницах руководимого им «Колокола»...».

Тесное общение Гарибальди с итальянскими демократами, и в частности встреча с Маццини у Герцена, вызвало раздражение английских правящих кругов. Гарибальди вынужден был против своей воли покинуть Англию. Расставаясь с Герценом и Огаревым, он пригласил их к себе на Капреру.

Даже в светлые дни триумфального приема Гарибальди в Англии Герцена, как и самого Гарибальди, не оставляла беспокойная мысль о том, что ждет Италию в будущем. «Что дальше, что впереди?» Этот вопрос не раз повторял Герцен. О перспективах страны, ставшей ему столь близкой, он напряженно размышлял после создания единого итальянского государства. Наблюдая его первые шаги, Герцен ясно осознал, что Италия, вопреки всем его надеждам, идет по пути капиталистического развития и что этот путь неотвратим. «Поневоле приходит в голову, что народ по тяжелому закону *sélection* * только и поднимается через буржуазию к более развитой жизни», — подчеркивал он в статье «С континента», написанной в 1863 г. (XVII, 286).

Олицетворением буржуазного, «мещанского» пути развития Италии стал для Герцена К. Кавур. «Италия, самая поэтическая страна в Европе», — писал он в 1862 г. в статье «Концы и начала», — не могла удержаться и тотчас покинула своего фанатического любовника Маццини, изменила своему мужу-геркулесу — Гарибальди, лишь только гениальный мещанин Кавур, толстенный, в очках, предложил ей взять ее на содержание» (XVI, 138).

Романтическая мечта Герцена об особом пути единой Италии рухнула под натиском прозаической действительности. «Кавур — это итальянская Марфа, мешающая хозяйственными дрязгами единой мечте итальянской Марии. И в то время, когда Мария с умилением видела искупление мира в освобождающейся Италии, Марфа кроила для Италии бельгийский костюм ²⁴, и страна, довольная, что конституция не жмет ее, пошла себе по торной западной колее, по большому торговому тракту...» — с горькой иронией замечал Герцен (XVI, 145).

В 1860-х годах при посещении различных итальянских городов Герцену бросались в глаза пороки новой власти: непомерные «налоги, и пизмонское местничество, и грабящая администрация, и сварливая и докучная бюрократия» (XI, 475). «Народ недоволен вводимыми порядками <...> и тем, что ничего не выиграл при перемене» (XVII, 284). «Я был удивлен в 1863 общей нелюбовью в Неаполе к правительству», — писал Герцен в очерке «Venezia la bella». — В 1867 в Венеции я видел без малейшего удивления, что через три месяца после освобождения его терпеть не могли» (XI, 477).

Итак, что же «ждет Италию впереди, какую будущность имеет она, обновленная, объединенная, независимая?» Размышляя над этим вопросом, Герцен обращался к итогам Рисорджименто, во многом определившим перспективы развития Италии, критически анализировал программу итальянских демократов. Их «идеал итальянского освобождения — беден», поскольку он сводится только к «бою за независимость» (XI, 472). А эта цель, как еще в 1862 г. был уверен Герцен, будет выполнена: «За Римом и Венецией *à la longue* ** дело не станет» (XVI, 145) ²⁵. В представлениях Маццини и других демократов «в Риме все переменится, все оборвется... там кажется заключение, венец. Совсем нет», — предупреждает Герцен, — там *начало*. «Провозгласить „независимость“ *sans phrases* *** мало. А другого ничего нет... — писал он, — и мне сейчас кажется, что в тот день, когда Гарибальди бросит свой ненужный больше меч <...> ему останется всенародно обняться на берегах Тибра с своим *maestro* **** Маццини и сказать с ним вместе: „Ныне опускается!“» (XI, 475).

В программе вождей итальянской демократии, утверждает Герцен, как и прежде, «опущен <...> существенный, животворный элемент» (XI, 472) — социальный вопрос, который должен стать центральным вопросом будущей итальянской революции. Однако в Италии 1860-х годов, где торжествовали буржуазные, умеренно-либеральные идеалы, Герцен не видел сил, которые могли бы осуществить эту революцию. Отсюда — пессимистические ноты в его письмах из Италии. «В 1847 г. я был при рождении Италии, а теперь присутствую при ее кончине», — пишет он М. К. Рейхель в декабре 1867 г. (XXIX, 239). А в начале 1868 г., обращаясь к Ж. Мишле, восклицает: «Я поездил по Италии — о, как это печально! Уго Фосколо может повторить свой «*Pianto*» ²⁶ (XXIX, 271). Этими настроениями порожден и парадоксальный путь, который предлагал Герцен итальянцам: «...провозгласивши в Риме единство Италии, вслед за тем провозгласить ее распадение на самобытные, самозаконные части, едва связанные между собой» (XI, 480).

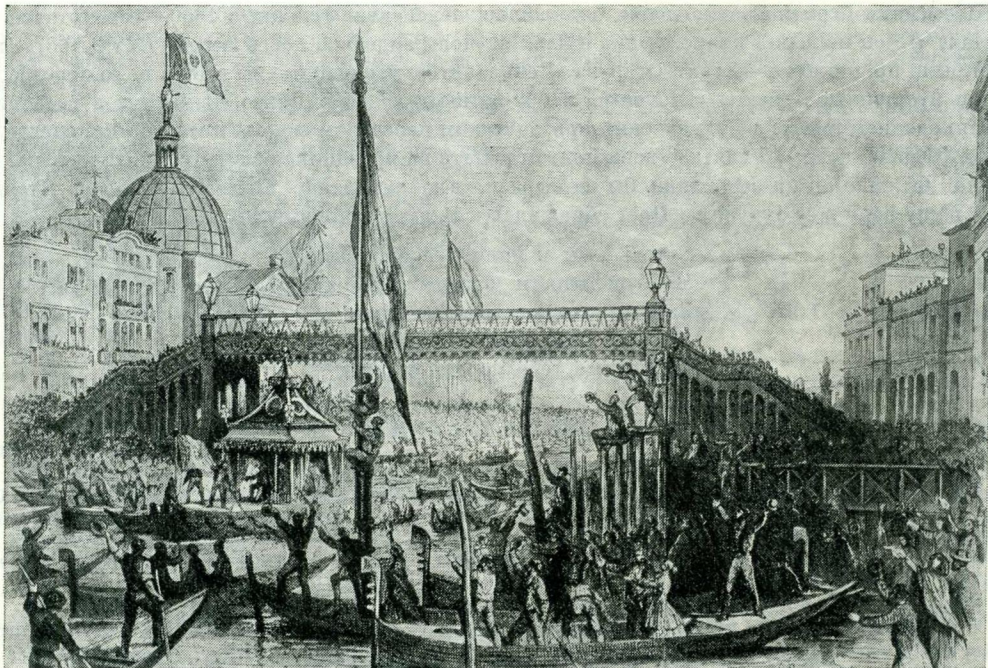
Отдавая дань восхищения героическим образам двух близких ему людей, Маццини и Гарибальди, фанатически преданных «великому делу освобождения Италии», он видел в них вместе с тем «двух последних Дон-Кихотов революции <...> великих безумцев <...> трагический тип людей, переживающих свой идеал» (XVI, 166). Этими словами из «Концов и начал» Герцен как

* отбора (франц.).

** в конце концов (франц.).

*** без лишних слов (франц.).

**** учителем (итал.).

ПРИБЫТИЕ ГАРИБАЛЬДИ В ВЕНЕЦИЮ 27 ФЕВРАЛЯ 1867 г.

Гравюра Ф. Бланшара по рисунку Мартино дель Дона

«Illustration», 16 марта 1867 г.

бы проща лся с «двумя величавыми тенями высшей вершины революционного хребта». Он был уверен, что «будущность их обеспечена, их два имени станут высоко и светло во всей Италии от Фьюме до Мессины и будут подниматься выше и выше во всей печальной Европе» (XI, 475).

В феврале 1867 г. Герцен специально задержался в Венеции, чтобы повидаться с приехавшим туда Гарибальди. Это была их последняя встреча. И вновь, как в Лондоне, более всего поразила Герцена неразрывная связь Гарибальди с простыми людьми: «Его настоящий хор — народные массы...». Лодочникам и рыбакам он говорил: «Как мне с вами хорошо и дома! Как я чувствую, что родился от работников и был работником» (XI, 472).

Не только судьбы Италии и ее люди оставались близкими Герцену в 1850—1860-е годы. По-прежнему велик был его интерес к итальянской истории, культуре, литературе. Его волнует игра замечательного трагика, «удивительного актера», одного из сподвижников Маццини — Г. Модены (XXIV, 261). Среди книг, которые Герцен советовал прочесть дочерям, были «Обрученные» Мандзони и «Воспоминания» Орсини²⁷. Последнюю книгу он послал Ольге из Генуи в 1867 г. (см. XXIX, 248).

Жизнь детей Герцена в 1860-е годы тесно связана с Италией. Это в первую очередь касается сына Александра, жившего с 1863 по 1869 г. во Флоренции. Здесь он начал свою научную деятельность в качестве ассистента известного физиолога М. Шифа. Во Флоренции в 1868 г. Александр женился на Терезине Феличе, девушке из итальянской рабочей семьи. У Александра подолгу гостили Тата и Ольга со своей воспитательницей Мальвидой Мейзенбург. Во Флоренции в 1869 г. развернулась драматическая история взаимоотношений Таты с слепым итальянцем Пенизи, закончившаяся для Таты тяжелым нервным заболеванием и роковым образом отразившаяся на здоровье Герцена.

Как мы уже видели, Герцен начиная с 1863 г. не раз бывал в Италии, особенно часто у детей во Флоренции. В 1867 г. он, кроме Флоренции, посетил Милан, Турин, Венецию и Геную. В Милане он восхищается «грандиозностью и необыкновенным изяществом» Новой галереи, слушает оперу в театре La Scala, посещает музей, любуется «Тайной вечерей» Леонардо да Винчи (XXIX, 38, 41, 240). Венеция покорила его как «самая поэтическая нелепость в мире». В Генуе он вновь убеждается, что это «бесспорно — один из красивейших городов Италии» (XXIX, 248).

Пессимизм Герцена в отношении ближайших перспектив Италии в 1860-е годы отнюдь не означал, что он не верил в возрождение в Италии «новых идеалов новой весны» (XVI, 166). Этой верой были проникнуты и стихи Огарева «День Данте», написанные им в 1865 г. по просьбе редакции итальянской газеты «*Gioventù*» к 600-летию юбилею Данте. В письме в редакцию, опубликованном вместе с французским прозаическим переводом сонета, который был сделан им самим, Огарев писал: «Я считал своим долгом подать на празднике великого Данте русский голос, как бы слаб он ни был, лишь бы он выразил всю симпатию, питаемую нами к Италии, и всю нашу веру в ее будущее». Поэт обращался к Италии с призывом:

Готовь умы к концу твоих невзгод,
Чтоб вольности услышал твой народ
Заветные торжественные звуки.
И пусть славян многоветвистый род
Свободные тебе протянет руки²⁸.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Русская мысль», 1889, № 5, с. 14.

² З. М. Цыпкина. Герцен и деятели итальянского национально-освободительного движения (1848—1852 гг.). — В сб.: «Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию». М., 1963, с. 30.

³ «Чичероваккио меня спрашивал, — рассказывал Герцен в письме к П. В. Анненкову, — сколько дней надобно ехать из Константинополя до Сибири» (XXIII, 67).

⁴ См. М. К. Рейхель. Отрывки из воспоминаний. М., 1909, с. 54.

⁵ Подробнее с Пинто и его отношениями с Герценом см. в ст.: E. Morelli. I fondi archivistici del Museo centrale del Risorgimento. Le carte di Michelangelo Pinto («Rassegna storica del Risorgimento», 1958, № 1, p. 115—118); «Лит. наследство», т. 64, с. 443—445.

⁶ О преимуществах либеральных порядков в Пьемонте по сравнению с абсолютистскими режимами других итальянских государств Герцен писал и позднее. Так, в статье «Революция в России» (1857) он отмечал, что под давлением общественного мнения и «несчастной войны» (по видимому, имеется в виду Крымская война) «на наших глазах переродился Пиэмонт <...> Физикономия городов, народонаселения изменилась, везде новая, удвоенная жизнь, открытый вид, деятельность...» (XIII, 22). Сохраняя известные либеральные иллюзии, Герцен допускал тогда, что революция в России не обязательно должна развиваться по французскому образцу, но при этом же также модель Англии или Пьемонта.

⁷ F. Venturi. *Esuli russi in Piemonte dopo il 1848*. Torino, 1959, p. 105—107.

⁸ Ibid., p. 104. См. Л. Ланский. Неизвестные строки Герцена («Книжное обозрение», 1969, № 28, 11 июля, с. 12), где обе надписи в русском переводе воспроизведены впервые.

⁹ F. Venturi. *Op. cit.*, p. 56.

¹⁰ Ibid., p. 50—53.

¹¹ Петербургский период истории России, писал Герцен, «по прекрасному выражению одного из сотрудников журнала», был назван в этой рецензии «пятым актом кровавой драмы, происходящим в публичном доме» (VII, 332).

¹² F. Venturi. *Op. cit.*, p. 72.

¹³ Особенно подкупала Герцена в Медичи необыкновенная чуткость. Стремясь развлечь своего русского друга в самое черное для него время, Медичи приходил к нему и поздним вечером, и ранним утром, чтобы «поболтать» или прогуляться вдвоем (X, 77). Вскоре после отъезда Герцена из Генуи в Лондон Медичи пишет ему письмо, где, как и Мадзини, отговаривает от намерения отправиться в Америку. Он призывает Герцена снова вернуться в Италию: «Вернитесь сюда, у вас здесь истинные друзья. Подумайте и о том, что наша боевая арена — Европа; если борьба начнется в Италии, мы братски подадим друг другу руки, мы вместе будем жить боевой, бурной жизнью; это будет новая жизнь для нас, полная поэзии и чувства, которая каждый миг будет напоминать нам: ты — сильный... Друг Саффи говорил мне о вас; я знаю, какую помощь вы оказали нашей кассе, и от всего сердца благодарю вас... Козенец, Пизакане, Мепцакапо и др. поручили мне передать вам их привет, мы все вас любим, как брата» (Былое», 1907, № 5, с. 221).

¹⁴ См. публикацию писем Герцена к Саффи в «Лит. наследство», т. 64, с. 349—358.

¹⁵ М. Мейзенбург. Воспоминания идеалистки. М. — Л., 1933, с. 240—241, 274—276.

¹⁶ A. Saffi. *Ricordi e scritti*, v. IV. Firenze, 1901, p. 58—59. Узнав из газет о смерти Герцена, Саффи обратился 26 января 1870 г. к А. А. Герцену с письмом, полным «глубокой сердечной боли». «Хотя наша частная жизнь в Италии не имела больше связи с его жизнью, — писал он, — ни время, ни расстояние не ослабили моей привязанности к нему <...> Целая фаза моей жизни — фаза серьезная: изгнание возрождает в моем воспоминании образ Герцена в его лучших чертах. Он любил меня, и я сильно любил его. И до конца жизни я его не забуду» («Лит. наследство», т. 63, с. 535).

¹⁷ О взаимоотношениях Герцена с Пьянчани см. в «Лит. наследство», т. 64, с. 359—418.

¹⁸ Об этом, в частности, свидетельствует неизданное письмо сына Герцена к Пьянчани от 27 декабря 1864 г. Вот текст этого письма в переводе с французского:

«Мой дорогой господин Пьянчани! Только что я получил письмо от моего отца, в котором он говорит мне окончательно, что не едет во Флоренцию и что я должен приехать к нему в Женеу; я уезжаю сегодня же и вот почему не могу зайти поблагодарить вас лично за ваше письмо к моим сестрам; делаю это письменно.

Пользуюсь случаем, чтобы представить вам моего душевного друга, доктора Эмиля Левье, о котором я вам говорил.

Я приду повидаться с вами, как только вернусь, — приблизительно недели через две. Пока же дружески жму вам руку.

Преданный вам А. Герцен - сын».

Печатается по микрофильму с автографа В. Н. Перевод Л. Р. Ланского.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 445.

²⁰ «Лит. наследство», т. 62, с. 546.

²¹ См.: «Архив Огаревых». М. — Л., 1930, с. 24—25, 33.

²² Н. А. Серно-Соловьевич. Публицистика. Письма. М., 1963, с. 265; «Лит. наследство», т. 62, с. 561.

²³ М. Гершензон. Западные друзья Герцена («Былое», 1907, № 5, с. 220).

²⁴ Для оценки Кавура и Маццини Герцен использует известный евангельский рассказ о страхе Лазаря — практичной Марфе и восторженно-созерцательной Марии.

²⁵ Венеция была возвращена Италии в 1867 г., Рим — после поражения Франции во франко-прусской войне 1870—1871 гг.

²⁶ Название книги У. Фосколо, означающее в переводе «Плач».

²⁷ См.: А. Негзен. *Lettres inédites à sa fille Olga*. Р., 1970, р. 49, 53; «Лит. наследство», т. 64, с. 618, 620.

²⁸ «Лит. наследство», т. 61, с. 906—907.

ПЕРЕПИСКА С ИТАЛЬЯНСКИМИ ДЕМОКРАТАМИ

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К М. ГУАСТАЛЛЕ И ДЖ. ДОЛЬФИ. —

ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ Ф. АБИНЬЕНТЕ, М. КВАДРИО, ДЖ. МАЦЦИНИ,

А. МОРДИНИ, Ф. ОРСИНИ, Л. СПИНИ, П. ФАБРИЦЦИ И А. ЦАНЕТТИ

Публикация и комментарии М. И. Ковальской,

М. Куна (Будапешт) и В. Е. Невлера *

Л. СПИНИ — ГЕРЦЕНУ И Н. А. ГЕРЦЕН

Публикация М. И. Ковальской

Среди первых друзей, появившихся у Герцена за несколько месяцев его пребывания в Италии в конце 1847 — начале 1848 г., был Леопольдо Спини (1815—1861). Уроженец Равенны, он около 1840 г. окончил юридический факультет Римского университета. В начале 1840-х годов Спини был связан с подпольной революционной организацией «Giovine Italia» («Молодая Италия»), возглавлявшейся Маццини. Однако и тогда, как и позднее, его политические убеждения, по-видимому, не были достаточно последовательны и тверды, о чем свидетельствовал отзыв о нем Маццини: «Душа Спини полна страха» (З. М. Цыпкина. Герцен и деятели итальянского национально-освободительного движения, с. 33).

В 1847 г. Спини стал редактором либеральной газеты «*l'italico*», а затем созданной на основе слияния ее с «*Bilancio*» газеты «Ероса», начавшей выходить в Риме 16 марта 1848 г. Программа газеты в начале революции 1848 г. сводилась к требованиям «порядка, мира (<...> спокойных дискуссий, мирного и непрерывного прогресса» (G. Leti. *La rivoluzione e la Ripubblica romana*. Milano, 1948, р. 18). Как видно из публикуемых ниже писем Спини к Герцену, взгляды редактора в главном совпадали с установками либералов. Он был сторонником конституционных реформ и верил в то, что папа Пий IX сможет стать подлинным вождем национального движения за независимость и единство Италии. Развитие событий 1848 г. способствовало эволюции политических взглядов Спини. Вялость и нерешительность Пия IX, его враждебная позиция в отношении антиавстрийской войны освободили Спини от иллюзий насчет папы. Предательская политика короля Сардинии Карла Альберта в ведении войны, обнаружившаяся вскоре после начала развертывания военных действий, заставила Спини отказаться также и от надежд на то, что Карл Альберт сумеет возглавить борьбу за освобождение Италии. Немалое воздействие на

* Письма Герцена к Гуасталле и Дольфи, а также письма к Герцену Квадрио и Маццини перевел Л. Р. Ланский. Остальные — М. И. Ковальская. В работе над публикацией участвовала К. Ф. Мизиано.